

ОРИЕНТАЛИЗМ

Отражение «Другого». Ориентализм
и научное знание Европы в период
средневековья и модерна

Основная цель лекции: рассмотреть открытие «Другого» и его отражение в системе знаний доминирующей культуры, на примере сравнения научных знаний средневековья и модерна.

Характеристика знаний в период средневековья

Как ранее мы отмечали, Саид считает, что «в качестве репрезентирующей институционализированное западное знание о Востоке дисциплины, ориентализм воздействует трояким образом. Он воздействует на Восток, на ориенталиста и на западного «потребителя» ориентализма».

В качестве показательного примера Саид рассматривал работу д'Эрбело «Восточная библиотека», опубликованный в 17 веке большой свод, своеобразный компендиум всего, относящегося к Востоку. Анализируя данный труд, Саид считает его классическим примером ориентализма.

Попутно мы видим, как Саид в ходе анализа приходит к выводу и использует следующие эпитеты и выражения при определении как самого ориентализма, так и результатов, которые появляются в ходе исполнения этого процесса, то есть того, что в совокупном виде он представил как воображаемую географию или ориентализацию. Отметим его следующие ключевые моменты:

- «Сцена ориентализма, превращается в систему морального и эпистемологического оцепенения».
- Ориентализм как дидактический процесс.
- Конверсия или превращение Востока из одного в другое.
- Ориентализм как радикальный реализм.
- Ориентализм как форма паранойи, знание, отличающееся от обычного исторического познания.

Данные эпитеты, сопровождающие ориентализм, Саид вывел на основе изучения ряда трудов средневековых западных авторов и применил их ко всему своду процесса формирования научного знания.

Специально отметим, что анализируемая им работа д'Эрбело была создана в 17 веке как отражение всего предыдущего свода многочисленных работ западных авторов о Востоке, которые содержали как правдоподобные, так и вовсе вымышленные, граничащие с мифологией, сведения о Востоке, наподобие идей о стране «Гога и Магога», людей с головами псов и хвостами.

Идея состоит в том, что д'Эрбело как бы подвел жирную черту под данным процессом своеобразного мифотворчества раннего этапа формирования знаний Запада о Востоке. В этом смысле Саид как раз и выделил эти характерные для этого периода ключевые послылы, которые и отразил в своих дефинициях – как дидактика, сцена оцепенения, радикальный реализм.

В целом, интерес к изучению Азии стал проявляться в европейской историографии намного раньше, вместе с тем как стали доходить сведения и ощущаться для Европы последствия развития великих могущественных империй Востока – Чингисхана и его потомков, Китайских династий (Суй, Тан, Юань, Мин, Цин), Османской, Могольской, Сефевидской и др.

Работы христианских монахов и миссионеров, написанные в разное время (с 13 по 17 вв.), преследовали цель ознакомления с новыми для них территориями и могущественными правителями Азии с последующим распространением христианской веры. В случае с Марко Поло, Плано Карпини и Гийомом де Рубруком основная цель заключалась в установлении дипломатических отношений с монгольскими ханами-чингизидами, могущественной империей монголов периода средневековья. В других случаях позднее монахи совершали продолжительные путешествия ко дворам иных не менее могущественных империй – империи Великих Моголов (отец Монсеррат описывает свои встречи с Акбаром Великим), китайской империи династии Мин (Маттео Риччи), империи Тимура (Гонзалес де Клавихо). Португальские монахи (Бенто де Гоеш, Амадерадо) позднее искали утерянные пути в Китай через Индию, Афганистан, Памир, Туркестан.

Эра Великих географических открытий оказала большое влияние на развитие научных знаний. Аккумуляция прежних и новых полученных сведений, вкупе с нараставшим экономическим развитием и интересом европейских стран (прежде всего, Испании, Португалии, Нидерландов, а позднее Франции и Британии) к Востоку, в первую очередь Индии и Китаю, во многом остававшихся для них загадкой, приводила к систематизации накопленного материала в виде обзорных объемных публикаций о новых странах и континентах.

К таковым можно отнести, например, сводные обзорные работы С. Пурхаса (1625 г.), собравшего воедино доступные материалы, описывающие историю, культуру, нравы, традиции народов в различных уголках мира – Китае, Тартарии, России, северо-западной Америке, даже в полярных регионах и Арктике.

Аналогичным образом, несколько ранее, в 1598 г. опубликовано собрание в четырех частях Джованни Ботеро из Италии. В части первой данного компендиума им дается краткое описание Тартарии, Чагатайского улуса, в том числе Каспийского моря, Китая и др. Более специализированный подход можно обнаружить в работе (1631 г.) Р. Кнольса, посвященной общей истории тюрков, в том числе истории, завоеваниям, правителям Османской империи, а также походам европейских правителей против них.

Аккумуляция и интерпретация знаний того периода, условно выделяемого нами для целей нашей работы, как период до-модерна или модернизации, вызванной промышленной революцией в Англией и связанной с колониальным доминированием этой империи в мире, проходила также различным образом, хотя в целом и имела некие закономерности.

Они связаны были также, с одной стороны, с пониманием могущества стран Ориента (поэтому туда посылались и отправлялись самые различные миссии, в том числе Римских пап). С другой стороны, в них видна, конечно же, попытка отражения этого «другого» с точки зрения самого себя, что в условиях того времени, прежде всего, было основано на постулатах христианской церкви (вспомним походы крестоносцев на Восток на защиту Иерусалима против неверных) и означало реализацию догматики веры. Как результат, можно отметить внесение элемента мифологического сознания в одну из точнейших наук – в картографию. Каталонский атлас хорошо показывает, так сказать, линии данных разломов, когда карта мира описывается и показывается, в том числе, на грани с мифологией и мифотворчеством (Земля Гога и Магога, люди с головами собак).

И даже тогда, когда, например, Плано Карпини и Гийом де Рубрук, казалось бы, отписывают то, что реально видели, тем не менее изначальный их статус в качестве посланца Папы Иннокентия VI и христианского мира в целом априори диктует их отношение к увиденному, в особенности к традиционным ритуалам и верованиям монгол-татар.

Иными словами, данная позиция, с которой, говоря словами Саида, знание ориентализируется, причем в определенных рамках, и является показателем отношения к «другому».

С другой стороны, данный взгляд, который также можно назвать своеобразным наивным взглядом ребенка, не апеллирующего к рациональности и логике, а больше полагающегося на чувства и увиденное, которое соотносится с миром собственных представлений и идей, данный взгляд был присущ самым различным культурам, не познавшим полностью весь мир; или же постигавшим его с использованием существовавшего инструментария, дискурса, развития знаний в целом.

Если обратиться к источникам, то аналогичный взгляд был присущ и самим восточным культурам, особенно в период их могущества и расцвета в древности. Поэтому данная закономерность может считаться более-менее справедливой по отношению к разным культурам древности, до-модерна.

Именно когда знание и описание «Другого» подкрепляется знанием технологическим, о чем мы ранее уже говорили, тогда и возникает тот дискурс, который и стал предметом изучения Саида – ориентализм.

Характеристика знаний в период модерна: другой взгляд

Выделенные Саидом различные измерения ориентализма, его своеобразные эпитеты –

- Ориентализм как дидактический процесс.

- Конверсия или превращение Востока из одного в другое.
- Ориентализм как радикальный реализм.

По Саиду, по сути они продолжили жизнь и далее, воплотившись потом в ориентализме 19 века и позднее, уже в современный ему период. Вроде бы все ясно и понятно.

Однако не оставляет ощущения некая незавершенность и неполнота. Связана она с тем, что, как бы вопреки данным дефинициям ориентализма, сделанным Саидом, остается еще и другой свод работ, материалов, которые невозможно рассматривать исключительно сквозь призму данных Саидом определений.

Данный вид материалов связан с проводившимися археологическими экспедициями и проведенными на их основе исследованиями, открывающими миру новый взгляд на культуру Востока. Этот взгляд во многом отличался от того, который Саид называет ориентализмом. Для этого, условно «нового» взгляда, было характерно уважение к тому, что являлось предметом их изучения, то есть к Востоку. И этот новый взгляд, в том числе, также необходимо отмечать. Он, может быть, не достаточно вписывается в лекалы Ориентализма, определенные Саидом, не отвечает той парадигме дидактического процесса и «оцепенения». И уж, конечно, не является радикальным реализмом. Если оцепенение и было, то только потому, что об этом свидетельствовала мощь открытого объекта исследования – Востока, а не наоборот.

Данный взгляд и подход конца 19 – начала 20 вв. был действительно новым, в отличие от, казалось бы, растиражированных клише и определений Востока, которые стали предметом анализа Саида. Он проходил практически параллельно с процессом и антропологических исследований, когда усилиями британских, французских, иных ученых как бы заново открывался мир Азии, Африки, Полинезии, Австралии.

Попутно отметим, что развитие антропологии в условиях модернизации и распространения системы колониализма в 19 веке привели также и к таким формам знания, которые действительно можно считать радикальным – к расовым теориям исключительности, которые, как и всякие теории исключительности, девиантны, анормальны и действительно радикальны. Они способны приводить к оцепенению и, помноженные на дидактику и конверсию «нормального» в «ненормальное», несут с собой угрозу разрушения знания вообще и его частных проявлений – знаний о Востоке. Расовые теории 19 века в условиях модернизации получали как бы иное звучание – в контексте превосходства и доминирования белого человека вообще.

Узкое, радикальное, расовое понимание можно считать формой паранойи и радикального реализма, его ненормальным отклонением, выражением которого стали идеи о превосходстве белой расы над всеми другими. «В европейской культуре второй половины XIX – первой половины XX веков расовые теории занимают видное место. Им отдали дань Рихард Вагнер и Фридрих Ницше, а среди теоретиков следует упомянуть графа Жозефа Артюра де Гобино, Людвиг Вольфмана, Жоржа Ваше де Лапужа, Хьюстона Стюарта Чемберлена».

В противовес этому, однако, в той же Европе происходило накопление и формирование научных знаний, которые говорили совершенно об обратном – об открытии Востока как не только равного Западу, но и превосходившему его во многих отношениях. Данное научное знание также имело место быть и его также надо учитывать при рассмотрении феномена ориентализма.

Данное знание также формировало дискурс того же самого европейского пространства и так же, если следовать логике самого Саида о тройственном влиянии ориентализма, оказывало это влияние – на Восток, на самого ориенталиста и на западного «потребителя» ориентализма. Но, пожалуй, еще больше оно вносило вклад в развитие того направления ориентализма, точнее, научного познания в целом, предметом исследований которых были Восток и его культура.

Ранее мы уже упомянули таких выдающихся исследователей Востока как, например, Макс Мюллер и др. В этот ряд можно поставить и других выдающихся представителей Европы, связавших свою жизнь с Востоком, значение сделанных открытий которых до сих пор продолжает оказывать влияние на развитие многих специальностей, условно относящихся к сфере востоковедения. Если быть точнее, то лишь сегодня, по-новому, это значение видится и раскрывается.

Книга: **Ориентализм**

Лекция: **20. Отражение «Другого». Ориентализм и научное знание Европы в период средневековья и модерна**

Контрольные вопросы (опорные) для самопроверки

1. Охарактеризуйте в целом специфику знаний о «Другом» (Востоке) в период средневековья.
2. В чем состояла специфика знаний Запада о Востоке в период модерна.

Задания для самостоятельного выполнения

1. Ознакомьтесь с работами Марко Поло, Плано Карпини и Гийома де Рубрука, в чем состоит особенность и значение их работ для Центральной Азии

Список рекомендуемых ресурсов по теме лекции

1. Said, Edward W. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.
2. Карпини П., де Рубрук. Путешествие в Центральную Азию. – Алма-Ата: Гылым, 1993.